

ождственными, так как они могут характеризовать различные степени нормативной обязательности, следовательно, при свободной замене одного понятия на другое без учета контекста, мы можем прийти к ситуации искажения исходного замысла.

**ЦЕННОСТЬ ФОРМАЛЬНОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
«ВИД» В УЧЕНИИ К. ЛИННЕЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ
БИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
В ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ**

А. В. Шуталева

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Важная роль для понимания особенностей развития биологической картины мира принадлежит нововведению К. Линнея – бинарному названию, имени, знаку, означающему. Применение формальнологического подхода к определению категории «вид» позволил К. Линнею создать классификацию живого мира путем логического разделения организмов. Ценность труда К. Линнея для развития биологической картины мира связана с важными аспектами, которые позволяют рассматривать биологию того времени как претендующую на статус научности. Во-первых, создается единое поле наименований и восприятия фактического материала по ботанике и зоологии, существующего до «Системы природы» и «Философии ботаники» К. Линнея, несмотря на предшествующие попытки классификации, в хаотическом состоянии, что отвечает идеалам порядка и равновесия сил в механистической картине мира. Для классического опыта языка, согласно М. Фуко, в акте говорения, в акте именования, «человеческая природа, замыкая представление на самом себе, преобразует линейную последовательность мысли в устойчивую таблицу существ с их частичными различиями – в дискурс, где происходит самоудвоение ее представлений и выявление ее связи с природой»¹⁷⁰. Во-вторых, в систематике К. Линнея присутствуют основные принципы современной биноминальной номенклатуры и определено соподчинение между систематическими категориями. К. Линней располагает видовые названия в соответствии с порядком номеров, проводя различие сочетаний слов в их многословных названиях – полиномиалах. Как справедливо характеризует деятельность К. Линнея

¹⁷⁰ Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-cad, 1994. С. 331.

Е. Г. Бобров, полиномиалы в их совокупности, представленной в работах К. Линнея, напоминают линейный ключ. К. Линней сделал также важный шаг в создании современной номенклатуры растений, предложив простые названия (*nomen triviale*), представляющие собой чаще всего прилагательное на латинском языке, дополняющее родовое название (существительное). Таким образом, была введена двойная – бинарная – номенклатура, в которой одним словом выражено родовое название, а другим – видовое название.

А. Лавджой, характеризуя «системы», создаваемые учеными в XVII–XVIII веках как откровенно «искусственные» классификации, обратил внимание на важную деталь, которая отражает мировидение данной эпохи: «утверждение, что и в самом деле существуют «естественные виды, установленные Творцом природы», по-прежнему было непоколебимо; а естественные виды суть, конечно, строго дифференцированные виды. И даже искусственные системы способствовали приданию понятия вида особой значимости в естественнонаучной мысли, способствовали привычке мыслить организмы и прочие естественные объекты как распадающиеся на строго разделенные классы, а не как на представителей качественного континуума»¹⁷¹. Научной значимостью наделяется метафизический по своей сути принцип непрерывности, в котором отражена «необходимость поиска форм, которые могли бы встать на место тех звеньев цепи, которые казались «пропущенными»... более распространенной точкой зрения была та, что данные разрывы являются только кажущимися»¹⁷². Только точка встречи представления с бытием, природы вообще и человеческой природы, позволяет языку именовать, расчленять, сочетать, связывать и развязывать вещи, увидеть их в прозрачности слов. Посредством этого действия, как отмечает М. Фуко, «язык преобразует ряд восприятий в картину и, напротив, расчленяет непрерывность живых существ на отдельные признаки»¹⁷³. Посредством языка создается картина, картина реальности, подогнанная под определенную понятийную сетку, в которой основополагающим методом становится создание систем.

В системе, созданной К. Линнеем, присутствует классификация, как растений, так и ботаников, названных фитологами¹⁷⁴. Биологов К. Линней включает в одну группу с анатомами, садоводами, врачами, теологами и поэтами, пишущими о растениях, которая названа им ботанофилами. По К. Линнею, систематика является

¹⁷¹ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 236.

¹⁷² Там же. С. 239.

¹⁷³ Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. С. 332.

¹⁷⁴ Линней К. Философия ботаники. М.: Наука, 1989. С. 10.

целью науки: «Ариаднина нить ботаники есть система, без нее наука о растениях – хаос»¹⁷⁵. Систематика предполагает методическое деление и надлежащее наименование: «Основа ботаники двоякая – расположение (*dispositio*) и именование (*denominatio*)... Основу ботаники составляет разделение растений и именование родов и видов по системе... Названия растений должны быть достоверными, а потому должны даваться достоверным родам. Расположение есть основа именованья... Расположение учит разделять или объединять растения»¹⁷⁶. Исходным понятием систематики К. Линнея является понятие «вид». Взгляд К. Линнея на эту проблему основан на представлении о неизменном повторении того, что было создано богом: «Видов столько, сколько различных форм создало изначально Бесконечное Существо; эти формы согласно заложенным [в них] законам зарождения произвели множество других, но всегда себе подобных. Следовательно, видов столько, сколько различных форм или структур встречается ныне»¹⁷⁷.

Несмотря на то, что К. Линней писал, что «Природа многообразна и никогда не прекращает своей деятельности»¹⁷⁸, отсутствие возникновения новых видов, с точки его зрения, доказывает «непрерывность зарождения, [вегетативное] размножение, повседневные наблюдения, [наличие] семян»¹⁷⁹. Вопрос о постоянстве вида заключен в его представленности как повторяющейся совокупности, как совокупности морфологически сходных особей, что позволило ученым выделить вид в качестве живой единицы органической природы. В истории развития биологической картины мира присутствуют две противоположных точки зрения по вопросу существования видов. С одной стороны, некоторыми учеными постулируется сотворение видов «божественным искусством» и их неизменяемость. С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой виды изменяются, основание изменения в историческом развитии и преемственности.

К. Линней в § 157 «Философии ботаники» пишет, что «Видов мы насчитываем столько, сколько различных форм было создано изначально... Видов столько, сколько различных форм создало изначально Бесконечное Существо; эти формы согласно заложенным [в них] законам зарождения произвели множество других, но всегда себе подобных. Следовательно, видов столько, сколько различных форм или структур встречается ныне»¹⁸⁰. К. Линней'

¹⁷⁵ Там же. С. 93.

¹⁷⁶ Там же. С. 92.

¹⁷⁷ Там же. С. 93.

¹⁷⁸ Там же. С. 198.

¹⁷⁹ Там же. С. 94.

¹⁸⁰ Там же. С. 93.

указывая на отсутствие возникновения новых видов у растений, предполагает, что это является доказательством непрерывности зарождения. При этом он со свойственной ему скрупулезностью отмечает, что также были те, кто выражал сомнения в этом положении: Маршан (1719), сам К. Линней в «Пелории» (1744), Гмелин во вступительной речи (1749). После того, как в 1744 году К. Линней встретил необычный пелорический цветок, он стал осторожно высказываться о том, что возможны временные внутривидовые изменений в результате скрещиваний и влияния среды¹⁸¹. Если К. Линней, несмотря на некоторые сомнения, высказывался о том, что виды сотворены «божественным искусством» и неизменяемы, то спустя сто лет Ч. Дарвин в 1859 г. в его труде «Происхождение видов» высказывает диаметрально противоположную точку зрения. По Ч. Дарвину, вид является исторически изменяющейся категорией, а не созданной застывшей формой.

Для К. Линнея видовое название должно отражать установленные существенных признаков, что требует не только знания многих видов, исследование и установление различий их частей и владение искусством терминологии, которое позволяет подобрать искомого название, которое должно быть кратчайшим и наиболее выразительным. Как справедливо отмечает Любарский Г. Ю.: «Имя таксона, его знак есть также сигнификат, значок, по которому мы узнаем о таксономической принадлежности организма. Первые линнеевские названия позволяют проследить эту связь слова, знака с признаком. Диагнозы долинныевской систематики становились все короче, пока у Линнея краткий диагноз не слился с видовым (биномиальным) названием. Но уже у Линнея, слово стало «только знаком», утеравшим непосредственную связь с содержанием»¹⁸².

Е. Г. Бобров в работе, посвященной творчеству К. Линнея, отмечает, что для того, чтобы правильно понять линнеевский описательный метод и принципы конструирования им видовых названий, а также для понимания сочетания видов, необходимо принять во внимание, что «видовые названия, установленные Линнеем (полиномиалы, диагностические названия-фразы), подвижны. С каждым вновь открытым видом, т. е. обнаружением новых морфологических структур, должны быть изменены видовые названия (т. е. существенные морфологические отличия видов)»¹⁸³. Представив описание видов с практической точки зрения, К. Линней

¹⁸¹ См.: Бобров Е. Г. Линней, его жизнь и труды. М.-Л.: АН СССР, 1957. 215 с.; Комаров В. Л. Жизнь и труды Карла Линнея. 1707–1778. Берлин: ГИЗ РСФСР, 1923. 88 с.; Фаусек В. А. К. Линней, его жизнь и научная деятельность. СПб.: Типография Высочайше утвержд. товарищества «Общественная польза», 1891. 80 с.

¹⁸² Любарский Г. Ю. Архетип, стиль и ранг в биологической систематике. М.: КМК Ltd. 1996. С. 26–27.

¹⁸³ Бобров Е. Г. Карл Линней. Л.: Наука, 1970. С. 147.

помещает в специально разработанную и чрезвычайно удобную для использования искусственную систему. Тщательное цитирование источников сочетается с приведением синонимов и полиномиальных (многословных) названий. В. Х. Хе обращает внимание на то, что Линнеем был введен «принцип синонимики, обязательность цитирования предшествовавших источников и латинские названия для каждого таксона, что сразу внесло порядок в номенклатурный хаос»¹⁸⁴. Как замечает Е. Г. Бобров, основным элементом линнеевской работы «Species Plantarum» являются «виды с их полиномиальными видовыми названиями, над созданием которых Линней трудился чрезвычайно много в стремлении сообщить им наибольшую выразительность»¹⁸⁵.

В работах К. Линнея присутствует тема разновидности как таксономической категории, отличной от рода и вида, которая имеет отношение к обитанию вида в различных экологических условиях: «Разновидность – растение, измененное случайной причиной: климатом, почвой, температурой, ветрами и т. д., и оно возвращается к исходному состоянию с изменениями условий обитания»¹⁸⁶, что может быть не учитываемо в науке о растениях, поскольку разновидность, в отличие от таких творений природы, как вид и род, является творением культуры. Однако проблематичным представляется то, насколько понятия и термины, используемые в классификационной и описательной практике К. Линнеем, имеют действительное отношение к природе, поскольку в основе различения растений лежит логика: «Линнеем из логики заимствованы для описательной ботаники и термины, и описательные приемы, и сама фразеология, и логические категории»¹⁸⁷. Однако, как справедливо отмечают Э. В. Волкова и А. И. Филюков, «ни Линней, ни систематики, которые придерживались подобных взглядов на вид ... не пояснили качественного отличия вида как общности особей от вида как совокупности особей. Все попытки ученых дать какие-либо критерии вида исходили из метафизических представлений о нем как постоянном и неизменном общем»¹⁸⁸. В биологическом знании присутствует другое более позднее определение вида, например конца девятнадцатого века А. Р. Уоллеса, биогеографическое по своей сути, в котором вид представлен на основе филогенеза

¹⁸⁴ Хе В. Х. Роль К. Линнея в становлении систематики в экологии млекопитающих // Философский век. Альманах. Вып. 33. Карл Линней в России / отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2007. С. 27.

¹⁸⁵ Там же. С. 145.

¹⁸⁶ Линней К. Философия ботаники. М.: Наука, 1989. С. 94.

¹⁸⁷ Бобров Е. Г. Карл Линней. Л.: Наука, 1970. С. 149.

¹⁸⁸ Волкова Э. В., Филюков А. И. Философские вопросы теории вида. Минск: Наука и техника, 1966. С. 59.

в качестве выражения определенной линии развития; классификация линий развития, основанная на родстве, обращает внимание на новые качества, становясь систематикой. С этими двумя различными подходами к определению вида связаны споры в истории биологии о том, что представляет собой вид.

Б. Г. Кузнецов в работе «Эволюция картины мира» отмечает вклад в развитие биологической концепции эволюции, вложенный К. Линнеем, несмотря на то, что «эти истоки связаны с эволюционными идеями неявным образом. Они шли от Ньютона – через отвлеченно-математическую разработку небесной механики, и от Линнея – через накопление эмпирических данных, позволявших все с большим основанием переходить от искусственной классификации к естественной классификации и к идее развития органического мира»¹⁸⁹. Однако Б. Г. Кузнецов отмечает, что системам К. Линнея и И. Ньютона, присущи «неопределенность и неуверенность концепции неподвижной природы, приводившей (при игнорировании проблем филогенеза и космогонических проблем) к мысли о первоначальном сотворении существующих сейчас видов и первоначальном толчке, сообщившем планетам их современные тангенциальные скорости»¹⁹⁰. Неуверенность и неопределенность человека классической эпистемы может быть связана особым «местом» человека в данную эпоху, которого М. Фуко описывает как плотную первичную реальность¹⁹¹. Человек предстал как верховный субъект всякого возможного знания, но и как сложный объект, которому, К. Линней, основываясь на формальнологическом методе, в 1758 году в труде «Система природы» отвел место в ряду животных, описав человека и обезьян в одном отряде «человекообразных».

¹⁸⁹ Кузнецов Б. Г. Эволюция картины мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 193.

¹⁹⁰ Там же. С. 193.

¹⁹¹ Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. С. 332.